

Мы из железа, из стали.

Взвалавай больше на наши спины
Тяжестей жизнь. Мы дон сем.
Мы из железа. Из стали. Единь
В порыве своем.

Мы распухшими мускулы тела,
Вырвем на душ корни тревог.
Мы подготовились. Время созрело
Откликнуться в рог.

Маршем победным взбуравим тучи
Мутного дня. Горы взорвем,
Сумрак угарный, вместо—ползучий
Рассеет огнем.

Руки клешнями сдавят мясистый
Злой каптал. Огненный круг
Ближе смыкается. Полдень лучистый
Стекает на луг.

Взвалавай больше на наши спины
Тяжестей жизнь. Мы доведем.
Мы из железа. Из стали. Единь
В порыве своем.

А. Аленовидровский.

Два друга.

Ночью ползали, животам ером
Траву, и слушали пение журавлиных
ночь пугла.

К утру мыза была взята. Но по-
как и до атака, был огрешен от
миза.

На мызе, в белой, как больничная
палата, комнате сошлись на совете
лине: командир полка, адъютант, ко-
мандиры всех трех батальонов, на-
чальник связи и начальник команды
разведчиков. Комвессар полка был
убит.

Командир полка сказал:
— Фугас вложен. Ночью наш
полк отойдет на прежние позиции.
Их штаб снова займет мызу. Проводит
дут к прежним нашим позициям—
и мы рванесем мызу.

Начальник команды разведчиков
покачал головой.
— Их штаб не вернется на мызу.
Враг умнее, чем вы думаете. По мо-
им сведениям, он подозревает заши-
фно.

Командир полка уперся ладонями
связных рук о колени, оглядел всех.
— Я вам сказал не все.
Он оборотился к адъютанту.

— Докажишь.
Адъютант сидел на табурете, со-

гнувшись. Поднял голову и, взгляды-
вая на командира, говорил:

— Я ходил к нам парламентарем.
Предложил им также условия: мы
отдаем им мызу и отходим на пре-
жние позиции. После этого мы ведем
переговоры о сдаче.

Командир полка любил:

— Это сделано по моему прика-
занию. Я заставлю их являть.

— Я люблю честный открытый
бой, а это вапация,—сказал коман-
дир второго батальона.

Адъютант разогнулся сразу, слов-
но его ударили по лбу.

— А она честно войдет? Она...

— Я вам сказал, не все,—перебил
командир полка.—Ночью полк отой-
дет от мызы, и тут останется толь-
ко мы двое: адъютант и я. Если до-
утра они придут сюда, мыладим
сигнал зеленой ракетой, вы подож-
жете фатиль, и мы умрем в собст-
венной западке.

Если же до утра мыза останется
не взятой, адъютант выведет меня
в поле и застрелит в глазах у вра-
га. Тогда враг поверит, что зашифро-
ван.

И командир полка спросил коман-
дира второго батальона.

— Вы продолжаете возражать? Я верю, что
они ночью займут мызу.

Тот отвечал:

— Да. Вы не имете права уми-
рать. Вы командир полка.

— Вы замените меня.

— Я хочу заменить вас не в ко-
мандованной полком, а в поле, у мы-
зы, завтра утром.

Командир полка возразил:
— Вы старый офицер, а я—малыш
чепка. Мне 21 год. Таких как я,
сотня. Я вжив только для таких
вот случаев. Вы замените меня.

Батальонный командир поднялся
и ваял под козырек:

— Слушаю-с.

— Начальник команды разведчи-
ков должен, не ослабевая, следить
за врагом, чтобы знать, когда штаб
займет мызу.

— Слушаю с,—ответил начальник,
разведчиков.

К трем часам ночи на мызе оста-
лись только двое: командир полка и
адъютант.

Адъютант глянул в открытое окно.
Тяжелая, как море, ночь колыха-
лась за окнами.

— Не жди напрасно,—сказал коман-
дир полка.—Они заподозрили
западню. Они не придут.

И командир полка захлопнул окно.

Адъютант круто, на каблучках, по-
вернулся к нему.

— Грива...

И рывке брови высоко ушли на
лоб.

— Я только теперь понял, что
это такое вы выдумали, а что я дол-
жен совершить. Это невозможно.

Командир полка усмехнулся.

— Поздно соображал.

Адъютант схватил его за руку.

— Но, Грива, ты подумай: это
неделица. Мы с детства вместе, и
вдруг я тебя... Ты по человеческому
подумаи, по простому... Ведь ты за-
ставляешь меня всадать тебе, пер-
вому моему другу, пулю в лоб. Рад
чего?

— Ради того, что бы полк пробрал-
ся к армии.

— Но по человечески, по просто-
му...

— Полк должен пробраться к ар-
мии.

Адъютант опустил на табурет.

Командир полка глянул на него.

— Смотри: чтобы рука у тебя не
дрожала. Все дело сорветь.

Адъютант молчал. Потом поднял го-
лову.

— Я верю, верю, что мне не при-

дется совершить это. Я верю, что
они ночью займут мызу.

Командир полка оборвал кратко:

— Не займут.

— Но осталось еще полных тр
часа.

— Полных три часа? Тогда ты
ложись спать, а я тебя разбуду
Поспи. Рука будет вернее.

— Ты с ума сошел? Как будто я
могу спать.

— Тогда я запремну, а ты посты-
рой и разбуди меня.

И, кивнув на пол шинель, коман-
дир лег.

— Хорошо! Искренно тебе сове-
тую: поспи.

И он мгновенно заснул, похрапы-
вая слегка.

Адъютант глядел в ночь, напря-
женно выслушивая: не идет ли вой-
ска? Все тихо. А ночь все прозрач-
ней, темнота уходит с туманом в по-
ле. Утро.

Командир полка очнулся, вскочил
с полу, схватил револьвер.

— Ни с места—убью.

Оглянулся дако, засмеялся и су-
нул револьвер в кобуру.

— О, черт! Дрянь какая-то при-
снвалась!

Адъютант отвечал:

— А со мной на-яву должн дрянь
случаться. Это хуже.

Командир полка подступал к не-
му.

— Ты что? Струсил? Делай, что
я тебе приказываю.

— Слушаю-с,—ответил адъютант
и прибавил—хорошо. Я тебя убью.

— То-то. Впрочем, я никогда не
сомневался в том, что ты хороший
товарищ.

Адъютант говорил:

— У меня одно утешение: я пере-
живу тебя только на час, не боль-
ше. Но зачем не я командир полка?
Тогда бы ты должен был убить
меня.

Командир полка глянул на часы.

— Пора.

— Еще пять минут можно про-
ждать,—сказал адъютант.

— Нечего ждать. Крайся за мной!
Он разделил уже, оставая на те-
ле только рубашку.

— Сняжи мне руки и не забудь: вы-
тащи меня из ворот прикладом.

Я буду делать вид, что сопротивля-
юсь.

— Ешь.

И они пошли.

У мызы по полю кружил, высма-
ривая, конный отряд. Завидев адъ-
танта, который толкал прикладом
взвального в ободранной рубашке че-
ловка, конницы остановились.

Адъютант крикнул им:

— Эта сволочь—командир полка,
зарешите мне самому с ним спра-
виться.

Командир полка рвался прочь.
Но адъютант крепко держал его за
перевку, как ложек медведя.

— Сволочи!—кричал командир
полка.—Весь полк предан меня! Не
одея!

И, словно обессивев, перестал со-
противляться.

— Стреляй же,—шепнул он.

— Обиде собачья и смерть,—ска-
зал адъютант и шепнул:—прощай,
малый Грива.

Рука его не дрожала, когда он
приставил к виску друга дуло ре-
вольвера. Выстрелил—и командир
полка пал лицом в траву.

Адъютант сказал подкакавшему
офицеру:

— Эта сволочь не желала сдавать-
ся. Но последний бой решал дело.
Мы не хотим больше воевать про-
тив вас.

Генерал, тяжелый, как Александр III
на тяжелом, как у Александра III
коне подехал к мызе. Солдаты
бригады расположились в землян-
ках, в поле, а генерал со штабом—
на мызе. Генерал дал телефонограм-
мы в штаб дивизии о деле и ждал,
как и все штабные, награды.

Штабные пили коньяк и разгова-
ривали о том, как они достучат
теми, кто сдвинулся, не пожелав
присоединиться к ним. Решали еди-
ногласно: офицеров, как изменников,
расстрелять, а солдат вымущи-
вать в штрафном батальоне.

К двенадцати часам дня над мы-
зой поднялся столб черного дыма,
и земля вокруг треснула также.

Со штабом вместе погиб и адъ-
ютант, друг командира полка, оста-
вленный на мызе заложником.

Командир второго батальона, за-
менивший командира полка, вел полк
на соединение с армией. Он вывел
полк из окружения и принес
рассказ о двух друзьях.

Мих. Слонимский.

Александр Блок.

В бурные годы войны, когда мил-
лионы людей истребляли друг дру-
га на всех континентах Европы, появи-
лась проза Блока, повествовавшая
о таких далеких чувствах и настро-
ениях, что, казалось, будто повст-
вет к нам на мистического сред-
невежества.

И вот она чувствует неведомое
железное угнетение автора песни. Ее
железные осуществляют печальный
душевный Бертран, прованный „Ры-
царем Несчастья“, верный страж
замка, втайне любящий Изору. Он
один из творцов этой таинственной
песни. То старый Гартен, владетель
замка Тромменди. В этом старике
Изора не может признать воплоще-
ния своей влюбленной мечты. Услы-
шав на празднике, организованном
в замке, песню Гартена, она лиша-
ется сознания, и, очнувшись, чув-
ствует, что чары рассеялись, душа
ее освобождается от тоски. Она на-
ходит утешение в отчаянии пош-
ловского пажка Алдаскава. Без трау-
ра, равному при падении на замок
восставших ткачей. Изора прикажи-
вает стать на стрже под ее окном,
во время ее свидания с Алдаскавом
и предупредить ее в случае опаснос-
ти ударом меча о камень. Истекая
кровью, верный рыцарь самой
смертью своей оказывает последнюю
услугу своей госпоже. Он падает
мертвым в тот момент, когда рыцарь
пришел проследить за женой. Вы-
павший меч ударяется о камень, а
Алдаскава, испуганный условным сту-
ком, успевает спастись.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

В бурные годы войны, когда мил-
лионы людей истребляли друг дру-
га на всех континентах Европы, появи-
лась проза Блока, повествовавшая
о таких далеких чувствах и настро-
ениях, что, казалось, будто повст-
вет к нам на мистического сред-
невежества.

И вот она чувствует неведомое
железное угнетение автора песни. Ее
железные осуществляют печальный
душевный Бертран, прованный „Ры-
царем Несчастья“, верный страж
замка, втайне любящий Изору. Он
один из творцов этой таинственной
песни. То старый Гартен, владетель
замка Тромменди. В этом старике
Изора не может признать воплоще-
ния своей влюбленной мечты. Услы-
шав на празднике, организованном
в замке, песню Гартена, она лиша-
ется сознания, и, очнувшись, чув-
ствует, что чары рассеялись, душа
ее освобождается от тоски. Она на-
ходит утешение в отчаянии пош-
ловского пажка Алдаскава. Без трау-
ра, равному при падении на замок
восставших ткачей. Изора прикажи-
вает стать на стрже под ее окном,
во время ее свидания с Алдаскавом
и предупредить ее в случае опаснос-
ти ударом меча о камень. Истекая
кровью, верный рыцарь самой
смертью своей оказывает последнюю
услугу своей госпоже. Он падает
мертвым в тот момент, когда рыцарь
пришел проследить за женой. Вы-
павший меч ударяется о камень, а
Алдаскава, испуганный условным сту-
ком, успевает спастись.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно
взввали на мир конечных вещей, на
всех земные заботы, на политиче-
скую борьбу.

Эта песня, как и вся поэзия Бло-
ка, характерна для предреволюци-
онной эпохи. Романтизм—его стрем-
ление выйти за пределы своего зем-
ного существования. Более ста лет
тому назад романтики легко уходили
мыслью в этот высший мир и с
высоты всей фантазии разведущно

Смена.

У меня сынок—страда,
Деловой.
Варит бестия, что надо,
Головой.
Прет поутру, взяв книженки
В ф.бзвуч.
На ноженках сапоженки—
Без ошуч.
Чертюм кепка на матушке—
Поперек,
А в кармане—полкраюшки
Весь паек.
В мастерской однажды видел
— Я сынка:
Позорачивал, что идола,
У стачка;
Как рычаг рука мелькала—
Вверх и вбок,
Мистерия отцу лекала
Глубок;
Ну, а что всего дороже,
Должу,
Что работа—по его же
Чертежу.
И, х.тя собью тонок,
Не беда.
Выидет слесарем, чертенок,
Хоть куда.
Будет все благополучно
До конца—
Через год пойдет подручным
У отцл.
А когда уйду от дела
По годам,
Я стайок сынишке смело
Передам.
Вл. Воинов.

Вечер воспоминаний.

П. Леонидович.

Официальная часть закончилась.
Тышина рассыпалась горшечными
шпательсметов, ворчавшем непово-
ротливых стульев, шелестом, сме-
хом, окриками. Локоны дымка по-
лезли неприятели за навешенные гир-
ляндки и полосы кумача.
Мы вышли, когда в зале под тре-
пестные старое вальсы завертелись
пары комсомольцев.
Было поздно. В тихом переулке
—сырость оседала на стены, шекота-
ла носы редких прохожих.
— Я хожу на эти вечера воспоми-
наний за темами,—сказал я спут-
нику—пока мой блок-нот пуст. Вос-
поминания старших товарищей бед-
ны эпизодами и фактами. Меня же
интересуют мелочи нового револю-
ционного строительства. Последние
пятнадцать. Эти эпизоды еще не за-
быты и ищутся в записках для
истории. Героизм и участничества их
была молодечья. Вот от нее то я и
жду материала. Но, к сожалению, в
своих выступлениях на вечерах—вос-
поминаний слишком в рядом слово-
словиях безотчетную уналь, беспред-
метное мужество, оголтелую храб-
рость. Это признак того, что вино
победы еще не перебродило в созна-
нии победителей. Вы улыбаетесь?
Мой спутник, молодой рабфакто-
вец слушал меня, устремив вдали
иронический взгляд.
— Не считайте меня развращен-
ным бытоденателем. Я преклоняюсь
перед самоотверженностью молоде-
жи, в первые годы революции,
Обмен воспоминаниями о них под-
держивает в душах горение револю-
ционного идеала, но уверяю вас,
история героики всегда вешает сла-
вой мужество, удале и храбрости,
верно рассчитанные на победу, уда-
ливо в остроумно проявленные, ове-
янные игрой ума. В храбрости че-
ловека должен всегда сказаться ра-
зум его силы. Не правда ли?
— Пожайду,—ответил мой друг.
— Что-ж, если вы не хотите
спать, ала оягь вернуться домой с
пустым блок-нотом, я вам расскажу
одна вывол, героизм которого был
мой товарищ. Он вам должен по-
правиться.
— Когда Деникин подавился Укра-
иной и начался его отпад от север-
ных королей—репрессиям и бесня-

ствам контр-разведок не было гри-
ниц. Случилось так, что Мамонтов
на одном участке потеснил напаш.
Городок М., расположенный не да-
леко от границы—оставался за Де-
никиным. Городок небольшой, насе-
ление—трудовая интеллигенция и
кушечество. Контр-разведка, разме-
ставшаяся рядом с собором, чинила
расправу, главным образом, над са-
реями-ремесленниками и окрестными
крестьянами, в своей массе—беспар-
тийными. Во главе охраны стоял
полковник Сукин, Подведомственные
ему чины знали всех горожан в
лицо.
Товарищ Долгинский бежал из
Киевского застенка, куда попал в
тифу, предательски выданный
квартирхозяином, в момент заня-
тия Киева белыми. Бежал Долги-
нский деревнями, ночью в степи. Око-
ло М. его подобрал крестьянин и
поставил в город на возу. Здесь
Долгинский, зная единственную напу-
ляку, думал жлать своих. Остала-
лось до сдачи города 2—3 дня. Но
—баварь обнюхивались не хуже
взвалов и Долгинского сволокла с
воза.
Ничего не спросив, на котором До-
лгинский представился обнищавшим
студентом, пытавшимся пробраться
в Польшу, где у него якобы есть
богатая тетка, но оказался, благо-
даря великолепным способностям
следователя, жидом Борухом До-
лгинским, намеченным подпольной
организацией Коминтерна в Гомеле
к советскую терр-ристического
акта над всеми—любимым пастырем
и духовным отцом Василием Бла-
женным, чьи проповеди с амвола при-
хожанам вредят распространению
аполоничных идей коммунизма.
Долгинского отвели в погреб со-
борного дома, лобези предоставлен
ного отцом Василием—палачам,
под заставок. В погребе в дном
кошата плотка. Сырость не успе-
вала раз'едать одежды арестован-
ных только потому, что они боль-
ше 3-х дней, как потом вырвались
Долгинский, в людях не залежал-
лись. В темноте кто-то бредал,
вскликивал, кто-то остервенело по-
сылал жавнь к такой матери и
вскричала, часто мочился на чью-то
спину. Время лениво карабкалось.
Наконец, ночью, за дверью погреб-
а раздались шаги и брадичье ору-

жич. Ввалились трое. Фонари освети-
ли худого, пьяного кортега на
раскоряченных ногах, и двух ры-
жих прапорщиков.—"Готовьтесь!"—
варезели прапорщики. Корнет, акая
и вода перстнем по длинному листу,
стал выкрикивать: Перевухчи, Бр-
родевко, Кац, Идельсон, Голова,
Нарковоз, Геровицаг, Брейзман.
В ответ шелестели басы, тенора и
баритоны: я, я, я... Становись, ста-
новись... твою мать" толкала пра-
порщика очередь. Варс суетливо
топтались около нар, боясь от них
оторваться. Крестьяне плакали и
крестились.
При виде этого Долгинским овла-
дела ярость. Он думал: навались
вся камера на этих офицерашек
можно бы свободно разметать всю
огранку и, уж если не всем, то по
люв не уязвиком спастись. Бледный,
молодой еврей ча то дыма в лицо
Долгайскому, шептал: —Каждый ве-
чер так. Этот старший сам расстре-
ливают. М. ня уж неделю держат.
Пр вык. Тут девушка одна, так сна
на кушаче удавилась. Не выд ржа-
ла. Когда старший этот, в одну
ночь, всю камеру перебил. Я ка-
раз пришел—воздуху было много.
Теперь—уже конечно. Но все рав-
но... Говорят, евреев еще и мучают,
не знают—правда это? Долгайский
не ответил.
Еще сутки прошля мимо. Ночью,
спаво пьяный, корнет, держась за
плечо пьяного прапорщика, вышлал
на казнь. Люди молча кучились и,
подталкиваемые в спину, выходили
с оставившимися глазами в тем-
ный и сырой корридор. Увела еще
12 человек. Воздуху стало больше.
Однако, через час привели се-
мерых, новых. Плевные красноар-
мейцы. Из разговора с ними, Долги-
нский узнал, что свои близко. Еще
2-8 дня и город будет взят. Красно-
армейцы пришли веселые. В смерть
не верили. Шутили. Но когда Долги-
нский рассказал им о нравах застен-
ка, лица солдат сразу побурели. Це-
лые сутки потом, готовясь к тому,
чтобы "в ночь испариться", Долги-
нский отдавал красноармейцам раз-
ные распоряжения, засыпал просьба-
ми и замолчал, когда, ночью, за
дверью началась знакомая возня.
—Смотри же, кто же уделет!...
—Палачи вошли. Корнет с остат-
ками блевотням на френче, бледный,
акая и долго не мог даже разобрать
фамилий в списке. Список был длин-
ный, мятый, испещрен знаками. Мно-
го фамилий было зачеркнуто. Долги-
нский сидел на нарах и слушал, не
слыша. Фонарь в руках прапорщика
ему весело подмигивал. Вдруг—осле-
пительная мысль! Долгинский, чуть
отдвинувшись в угол, в темь, стал
жлать. Ивынко, Гивник, Рабино-
вич, Бердини—икал корнет.—"Я, я,
я... шелестело в воздухе—"Фрак-
ки, Гармашев, Долгайский".
—Пауза. "Долгинский"—повторил
корнет. Молчанье. "Долгайский...твою
мать, выходя—сволочь",—варезели
прапорщики. "Долгайский, Долги-
нский" кто-то слабо поддержал из
арестованных; "Долгайский", ухало
сверху. Долгайский, стараясь сохра-
нить самообладание, не подымая го-
ловы, бесстрастно протянул вза-за
угла. "Господни офицер—сезья же
одного человека 2 раза, расстрели-
вать. Вы вчера Долгинского увели".
— Корнет вынул глаза. Качнул
себя. Стал шарить поимонными глазами
по списку. Прапоры подострастно
заглядывали в список через плечо.
В камере стало тихо, как в склепе.
Палачи перегинулись. Наконец,
корнет, еще раз выругавшись, не-
брежно бросил: "Что ж она с. с. мне
его не вычеркнула?" в... спокойно,
просто вычеркнул фамилию Долги-
нского из списка.
— Остальных увели. Долгайский
когда смилился шага, застыл, как на-
вазание. В погреб проснулось невидан-
ное доселе оживление: "Вот это
адогано... Ну, а как хватятся? Нет,
во дураки то, дураки... Охо-хо-хо-
хо", гудела с нар красноармейские
хлопки. Долгайский сидел, не шеле-
лясь и чуть-чуть прислушивался к от-
даленным одиночным выстрелам.
— Ну, товарищи, рассказ подо-
шел к кончу,—быстро стал мать сло-
ва мой спутник.
— Восп. миваине?—поправил я.
—Пусть так. Как видите—я жив
и здоров. Из М-ского застенка меня
на утро освободили свое.
Мы подошли к дому. Стали про-
щаться. Тряся мне руку, мой спут-
ник сказал:
— Никогда не рассказывал бы об
этом пустяке Но, раз уж сегодня—
вечер воспоминаний... Только про-
шу вас не пишите об этом. Когда-
нибудь, потом...
Распрошались. Я обманул своего
друга. Поднявшись к себе на верх,
я до утренней звезды писал то, что
вы только что прочитали.

По другому руслу.

По камням скакала речка
весело,
Змейкой билась в заливных
зугах,
Над обрывом деревенька свеси-
лась
Тормошила шумом берега.
Далеко, на старую ветрянку,
Рожь молоть возили мужики.
Выезжали утром, спозоранку
Ворочались—не видать ни зги
Неспособно, тяжело так народу
Не работа, а одча мурл!
Собирались говорливым сходом
Спорили, галдели до утра
Ну и речка! Не река, а птица
Силы много! Что твоя Нева!
Полно прыгать, бегать, да
резвиться
Пусть повертит дедка жернова.
И на утро вышли всей деревней!
Глину, камчч волокли к реке.
Даже Петра седьмий и
древний
Выбрался с лопатой в руке
Забивали кряжистые сваи,
Бухали каменя не сжеша,
И мальчишек радостные стаи
Крыками встречали каждый шаг.

Восемь раз ломал и рвал пло-
тину.
Неумный, бешеный поток...
На девятый—старый путь по-
кинул,
Новым руслом не хотя потек,
И смеялись радостно и
хлестко,
Когда первый ручеек муки
Узенькой, белеющей полоской
Полился в раскрытые мешки
II.
А не так ли мчалась по ухабам
Беспокойная, шальная Русь,
Точно жеребец, раздугший
ноздри храпом,
Разметавший гриву на ветру.
И с коня, несущегося в беше-
ном угаре,
Не однажды сброшен был седок
Только ты—железный пролет-
тарий
Повернул мятующийся поток
И в хмельную грозовую осень
Воды рек российских на лету
По другому руслу властно
бросил
В буревом семнадцатом году.
Ф. Левин.

Осколки быта.

За перегородкой.

Встретил недавно знакомого сель-
коммуниста Ивана Макарыча. Раз-
говорились. Он о своих внутренних
вопросах речь завел.
— Вперед посмотреть — работы
непочатый край. Назад обернешься—
ачека сторожит. С боков тоже на-
ступлен е ведется. С правого фла-
га—хозяйство, с левого—семья. Как
тут быть?
— Решил я тогда дом свой на
двое разделить. Перегородку из тол-
стых досок соорудил. В одной по-
ловине у меня жавнь в таком виде.
Приходит ко мне мужки я с нами
всякий разговор у меня насчет Ан-
таны, облигаций и безбожья. Книж-
ками, газетами, плакатами отгоро-
дился. В уголке Карла Маркса во-
друзьял. Ино раз мужичашко и пе-
рекрестится на него: не беда. Ну-с,
а в другой половине совершенно
иначе. Боязно говорить. Жутко...
Вчера это было. Как раз пол-
воскресенье. Сажу и голову пове-
сид. Лампадка под образами мор-
гает. Детиска на кровати молат-
венник зубрят. "Царю небесный,
утешателю"... Гости у жевы засиде-
лись. Целовальник прежний, Яким
Никаворич и председатель сельсо-
вета. Этот самый сельсоветчак—пер-
вый подхалим. У него всегда все к
примеру сказать. Ну, ладно, сажу.
Жена теленка у целовальника поку-
пает. Надо торговаться с ним. Т р-
гуюсь. Сельсоветчак разводит мази-
но насчет падения нравственности.
"К примеру сказать", почему я с
православными именем в почему (то-
же к примеру) не зову детисшек
Полкавом и Буренкой. Ах, ты ка-
наля, думаю. Убеждать его в се-
мейной половине, где лампадки в
образа—как можно? Позвал за пе-
регородку. Не согласился.
— Очень у тебя там, Мама-
рыч, слова напечатаны неподходя-
щие.
— "Какже такие неподходящие".
— А вот хотя-бы насчет Тихона.

Грешно так, обжать святейшего.
— Ну, что тут с ним делать?
Обидно, что стайки контр-револю-
ционер в деревенский совет зате-
сались.
— Да, тяжеленько тебе прихो-
дится, Макарыч.
— Это еще что? Поц с молебни-
ми то-и-дело ходит ко мне на дом.
Что вы скажете? Партия, мол, позво-
ришь? А? А ну-ка, попробуй пере-
строить семью. Попробуй!
— Однако, тут к тебе с уваже-
нием относятся. Мужики все-ж така
ходят к тебе.
Макарыч грянул седошей голо-
вой. В глазах у него засветились
огоньки той энергии, которую встре-
чаешь только у человека, готового
вти в "последний и решительный
бой".
— Еще-бы. На своих плечах ле-
су натаскал для школы. Руку вот
гопором перешиб—плото сгибается,
теперича, Шкраба обломал за мое
почтение. Первым моим приятелем в
деревне стал.
— Обломал?
— Ну, да. Хочешь, мол, служить,
так честно служи, а не то... С ко-
оперативом дело скверное. Жуть
подобралось. Людей не подыщешь.
Вот в чем беда.
Помолчали немного.
— А перегородку придется все-ж
таким сломать. Надо х-ть капельку
семейным делом заняться. Жаль,
что в книжках об этом не написа-
но. Бильчо уж внутренней вопрос.
А может напашу?
Я посоветывал Макарычу про-
честь книжку тов. Троцкого "Во-
просы быта". Он обралов-лся, пове-
селел. На прощание сказал мне.
— Заходи толковать на досуге.
Глядишь—и перегородку в избе по-
ломаем. Пора!
Пав. Логинов.

